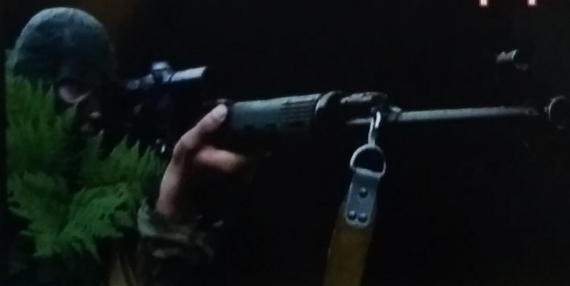

Анна и Татьяна
АКСИНИНЫ

ЛУЧ СВЕТА
В НЕНАСТНЫЙ
ДЕНЬ

Анна и Татьяна Аксиныны
Анна Аксинына
Луч света в ненастный день

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68624350

SelfPub; 2023

Аннотация

Предложение спрыгнуть с Октябрьского моста в реку Обь удивило Лену только в первый момент. Она же имела разряд по прыжкам и прошла кастинг для съемок в фильме о спортсменах-пловцах. Сам прыжок прошел успешно, но дальше начался такой бред, что Лена подумала, не повредила ли рассудком. Её пытаются убить, преследуют, потом является спаситель. Но кто этот добрый дядя на самом деле? Измученная тревогой, Лена принимает помощь "дяди" и его молодого друга Сергея. Ей приходится скрываться, не быть собой, лгать. Лгать всем подряд: матери Сергея, его девушке, случайному кавалеру по танцам. Забрехала надежда вернуться к нормальной жизни, но опасность ходит совсем рядом. Всё станет ясным из письма дяди, но кто его прочтет?

Анна Аксинина, Анна и Татьяна Аксинины

Луч света в ненастный день

– Доброе утро, Елена! Вы не могли бы спрыгнуть с Октябрьского моста?

«Ну, ничего себе, предложение с утра! Я сплю? Или чей-то розыгрыш? Ах да, я же вчера на кастинг ходила».

– Это для фильма? Э-э, здравствуйте!

– Да. Видите ли, нет подходящего каскадера, а у вас в анкете написано: «разряд по прыжкам в воду».

– Какой нужен прыжок, сложный?

– Нет, самый простой, «солдатиком».

– А сколько это стоит?

– Пятьсот долларов.

– Вы что думаете, я цен не знаю? Прыжок с высоты больше 20 метров...

– Тысяча долларов!

– Я согласна! А подробнее? И представьтесь, пожалуйста.

– Меня зовут Александр, я помощник режиссера. А подробности давайте обсудим прямо перед съемкой, чтобы вы чего-нибудь не забыли.

– Но когда эта съемка?

– Если вы готовы – сегодня, и чем раньше – тем лучше.

«Вот почему так рано позвонили, ещё девяти нет, им, наверное, важно определенное освещение»

– Я готова, хоть сейчас. А в чем прыгать, мне купальный костюм выдадут?

– Нет, героиня решила свести счеты с жизнью, поэтому прыгает в обычной одежде: узкая юбка до колен и блузка. Все подберем по анкете на ваши размеры. Елена, за сколько времени вы доедете до метро «Площадь Маркса»?

– Думаю, за час, максимум – за полтора. Где точно встречаемся?

– На стоянке метро «Площадь Маркса», где Сан-Сити. Наш минивэн серый, запомните номер... Еще одно условие: зрители не должны знать о дублерше, поэтому не надо болтать направо и налево о прыжке.

– Да мне и хвастать некому.

– Значит, договорились.

Лена дала отбой и побежала в ванную.

Самолет не успел набрать высоту, как снова вернулась боль. Боль резко ударила в бок, отчего он невольно согнулся. Николай достал таблетку из барсетки. Врач предупредил, что обезболивающее нельзя применять часто, лишь при крайней необходимости. Каждая таблетка укорачивала его жизнь, которой и так почти не осталось. Он нажал красную кнопку вызова бортпроводника. Высокая и красивая стюардесса в синем форменном костюме и белоснежной блузке с

голубой косынкой подошла к его креслу.

– Можно мне воды? – Попросил он.

– Не положено. Мы взлетаем, подождите немного, – она взглянула на него пристально. – Вы плохо себя чувствуете? Может быть, вам срочно нужна медицинская помощь? Мы можем вернуться в аэропорт.

– Нет, что вы! Просто голова что-то закружилась.

Не хватало, чтобы его сняли с рейса. Он стиснул зубы и попытался улыбнуться стюардессе. Она внимательно посмотрела на него. Молча, отошла и вернулась через пять минут со стаканом воды.

Он запил лекарство водой и закрыл глаза. Сейчас пройдет. Он выдержит утомительный и продолжительный полет, чего бы это ни стоило. Он должен, должен попасть в тот город, закончить дело всей жизни. Он родился и вырос атеистом, не верил ни в Бога, ни в черта, но двадцать лет назад душа его повернулась к неведомой милосердной силе. И сейчас он молился ей, чтобы последнюю просьбу исполнила: позволила дожить и успеть. А дальше он готов ответить за все свои грехи в полной мере. Он опустил спинку сидения и закрыл глаза.

...Ему опять приснился 77-ой год. Они удрали в лес, чтобы поесть черники. Интернат стоял в сосновом бору. Сразу за забором начинался большой лог с черникой. Ягоды поспели, мальчишки вчера лазили, ели. Сказали, ягода спелая и вкусная.

Им обоим было по 9 лет. Коля был старше Витька на 7 месяцев, поэтому считался лидером в их тандеме. По-разному начиналось детство мальчишек. Витю подбросили младенцем, никаких сведений о горе-мамаше найти не удалось. Коле повезло: он помнил мать. Хотя мать спилась и умерла, но у Коли осталась младшая сестра. За этот оставшийся «осколок» своей семьи мальчик любого бы порвал. Была великая цель: выучиться, забрать сестру и жить семьей. Коля обожал свою сестру. Сестра являлась светлым лучом надежды, веры и любви в его серой интернатской жизни.

День выдался замечательным, заведующая куда-то укатила до вечера. Воспитатели особо не заморачивались приглядом за детьми, наслаждались нежданно выпавшим днем отдыха, отдыха от злого всевидящего ока заведующей, которую все без исключения за глаза величали «ведьмой». Ребята радостно побежали к забору. Целый день был полностью в их распоряжении. Прекрасный солнечный день!

Мальчики пролезли через дырку в деревянном заборе и оказались в лесу. Черника в ближнем логу оказалась выбранная, и даже кусты местами вытоптаны. Они зашли в соседний лог, поднялись на пригорок. Им пришлось углубиться в лес, пока они нашли то, что искали: полянку спелых крупных ягод черники. Они до отвала наелись сизых ягод, затем прилегли на ветки упавшего дерева. Красота и тишина вокруг сморили их. Комары не докучали особо в то лето. Мальчишки натянули на головы капюшоны от ветровок и заснули на

ветках.

Проснулись они от шума дождя. Первые крупные капли громко били по листьям и траве. Ребята открыли глаза. Над ними качались, изгибаясь от ветра кроны сосен. Низкие черные тучи полностью наглухо затянули небо. Дети вскочили на ноги и побежали домой, в интернат. Но что это? Вместо знакомых мест, хоженных-перехоженных, они попали в какое-то болото: высокая осока, папоротник и кочки. Не было никакого болота рядом с интернатом! Они повернули в противоположную сторону. Мальчики шли, пробираясь через колючие кусты акации и шиповника, и понимали, они заблудились.

Хиленькие тряпочные ветровки промокли. Хлюпала вода в ботинках. К тому же Коля стер ноги мокрыми носками в грубых тесных ботинках. Он понимал, что содрал кожу на пятках. Каждый шаг давался с трудом, но он изо всех сил старался не показать, как ему больно. Витя еле брел за ним, у него дрожали губы и слезы стояли в глазах.

Коля с тоской смотрел на серое угрюмое небо. Ни одного солнечного лучика. Если бы хоть на минуту выглянуло солнышко, он бы нашел дорогу домой.

Они не знали, сколько прошло времени. Понимали, что безнадежно опоздали вовремя вернуться в интернат. А потом и это стало неважным. Они машинально перебирали ногами, лишь бы не стоять на месте. Падали, поднимались и снова шли.

К вечеру ветер стих, похолодало, дождь недолго поморосил мелкими каплями, а затем прекратился. Несколько косых солнечных лучей пробились сквозь серую мглу. Коля обрадовался: теперь он знал дорогу домой...

Стюардесса тронула его за плечо: «Просыпайтесь, самолет снижается. Мы прилетаем в аэропорт Толмачево города Новосибирска».

«Вот повезло! Тысяча долларов – это плата за полгода в магистратуре», – радовалась Лена и даже запела, стоя под душем. Много дней она ломала голову, как заработать деньги, чтобы в сентябре продолжить учебу. Ей даже во сне приснилось, что она вносит деньги на свой счет, берет из мешка пачками – и сует в банкомат. А потом не может вспомнить номер счета. Доучиться осталось всего год, родители мечтали об этом. Этот гонорар за один прыжок в воду – как свет в конце тоннеля. Столько всего обрушилось на Лену за последние два года, а сейчас, кажется, несчастья достигли дна, и дальше всё будет только лучше. словно лучик солнца пробился сквозь тьму, что окружала её.

Жила-не тужила, послушная дочка любящих родителей, младший ребенок в семье. Старшие братья, взрослые, жили отдельно в Москве. Особой роскоши не было, но был достаток: квартира, машина, дача. Поездки в отпуск в Карелию, по Золотому Кольцу России, в Питер (на Юг не ездили, здоровье мамы не позволяло). Для Лены выбрали престиж-

ный ВУЗ, филиал московского. Лена поступила на бюджетное место в бакалавриат. А на магистратуру деньги положили на отдельный счет. Папа ещё работал, преподавал в автошколе, мама, детский врач, недавно ушла на пенсию, с гипертонией как-то справлялась.

Со спортом Лена рассталась в выпускном классе, учебные нагрузки плохо совмещались с тренировками, сборами, соревнованиями. А до этого занималась плаванием с семи лет, а с двенадцати стала прыгать с вышки. Плавать начала по необходимости, после травмы позвоночника, а потом увлеклась всерьез, имела разряды, призовые места.

В шесть лет девочка упала с дерева, повредила позвоночник. Сначала гипс, потом полгода в корсете. Мама «поставила на уши» всю российскую медицину. Нашлась клиника в Германии, нужной специализации, обещали после операции и реабилитации полное выздоровление. Деньги были непомерные для семьи. Уже просчитывали варианты, как продать квартиру и переехать в комнату. Папин знакомый посоветовал обратиться в Фонд помощи детям. Собрали кучу документов, прошли комиссию – и Фонд выделил деньги! Мама всегда вспоминала об этом со слезами на глазах.

После Германии врачи рекомендовали занятия в бассейне для разгрузки позвоночника и укрепления мышц спины. Лену записали в секцию, вроде как – для лечебной физкультуры, а она оказалась способной. И ещё дисциплинированной: сказал тренер, делать дома комплекс упражнений – Ле-

на делала ежедневно, дали дорожку в 7 утра – Лена ни разу не опоздала.

Плавать и нырять она любила с детства, летом на даче ныряла с мостков «солдатиком». Дача была недалеко от берега реки, и не какой-нибудь Инюшки, а Оби. Родители умели плавать «саженками» и «по-лягушачьи», так и Лену научили. Запрещали только заплывать далеко на быстрину и нырять с пристани, а то под дебаркадер утanut.

Если не считать травмы и операции детство и юность Лена вспоминала сейчас, как очень счастливое время. Какими мелкими были её огорчения! Переход из начальной школы в гимназию дался нелегко, да ещё её подруга с первого класса, Катя, ей «изменила», переметнулась в компанию из трех бойких девчонок. Лену туда не приняли: вечно занята, то домой спешит, то на тренировку. От проказ вроде сбегания с уроков в кино или поджигания петарды в школьном дворе отказывается – скучная, что с неё толку.

В секции подружилась сначала с Тоней, та ей покровительствовала, но как только Лена стала делать успехи, началась махровая зависть. А когда в первый раз обошла подругу на соревнованиях, то сразу стала «бывшей подругой». От обиды ревела белугой, а папа сказал: «Леночка, друг проверяется не только в беде, но и в радости».

После девятого класса многие ушли из гимназии, кто в лицей, кто в колледж. Классы, перетасовали, Лена оказалась за одним столом с Аллой, толстенькой «компьютерной» де-

вочкой. Информатику она знала лучше учительницы, пригласила Лену домой, чтобы помочь ей с программой. Родители Аллы оба работали в какой-то фирме, где пропадали дни и ночи. Алла лопала бутерброды и толстела. Она стеснялась своей фигуры и от огорчения ела «чупа-чупсы».

Лена взялась за диету подружки, научила варить гречневую кашу, борщ, уговорила записаться в бассейн. Через год Аллу стало не узнать, у нее появилась талия, исчез второй подбородок. Она перестала быть тихой и замкнутой, в любой компании веселила всех, рассказывая анекдоты, которых помнила «целые гигабайты». Летом она бесстрашно появлялась на пляже, всегда вставала в круг волейболистов. Парни не оставляли её своим вниманием. А она перебирала кавалеров, как ребёнок новые игрушки: то бросала, то снова приближала к себе.

С начала 11 класса Алла даже стала ходить на танцы. Бедра у нее остались полненькими, коленки круглыми, но растяжка оказалась потрясающая. Лена не пошла с ней, только слушала её эмоциональные рассказы, названия танцев «венский вальс», «пасадобль», «джайв», «самба», «румба». Когда прозвучало слово «танго», Лена встрепенулась.

– Что ты сказала, танго?

– Да, завтра начинаем танго.

– Аргентинское? – Лена в детстве ходила с мамой в кино, фильм «Мое последнее танго» поразил девочку красивой музыкой, роскошными костюмами, мелодраматическим сю-

жетом.

– Нет, классическое бальное.

– Все равно, хочу!

– Тренерша может не пустить. Хотя, за деньги возьмет. Ты же не на соревнования метишь?

– Нет, мне для себя.

– А партнера где возьмешь?

– А что, партнера надо с собой приводить?

– Ладно, не грузись! Я Толика попрошу. Хотя я его недавно турнула, но он не сильно обидчивый. А к танцам очень способный. Только он ветренный, но тебе ведь не жених нужен.

Воодушевленная, Лена пришла в зал. Алла подвела к ней высокого гибкого брюнета.

– Знакомьтесь: Толик – Лена.

«Какой красавчик», – подумала Лена.

– А она симпатичная, – сказал Толик Алле и широко улыбнулся Лене. Она невольно улыбнулась в ответ.

Первые занятия Лене давались тяжело, как физически – болели все мышцы, так и морально – тренерша Оксана заявила, что у Лены «растяжка так себе, да и чувство ритма хромает». Лена не стала возражать Оксане, что растяжка у неё вполне достаточная для перворазрядницы. А что касается ритма – вообще пальцем в небо.

Недавно Алла вместе с мамой на заказ делала программу для обучения сольфеджио. Тестировать её она предлага-

ла всем знакомым. Сначала на экран поочередно выводятся изображения нот, звучит пианино, названия: «до-ре-ми...». Потом надо угадать ноту. Дальше также идут аккорды. Больше всего Лене понравилось петь ноты в микрофон, и ещё отбивать заданный ритм. А в итоге оказалось, что у неё хороший музыкальный слух, и прекрасное чувство ритма. Лена не стала спорить с тренером, что сбилась из-за непривычных упражнений и быстрого темпа, но отступить и не подумала. Два месяца по три дня в неделю напряженных занятий – и пришла, наконец, легкость, появилось владение телом, отточенность движения и способность импровизировать. С Толиком возникло легкая влюбленность, в конце танца он целовал Лену, ей было это приятно.

Тренерша Оксана готовила танго на районные соревнования танцоров. Она заранее узнала, какая будет музыка. Теперь на занятиях она не включала ни «Эль-Чокло», ни «Кумпарситу», только «Либертанго». Рисунок танца стал сложнее, добавились непривычные фигуры. Только две пары должны были выступать, но кажется, другие. Накануне отбора Толик пригласил Лену к себе домой, «порепетировать». Дело было днем, но Лена сразу поняла, для чего.

– Родителей не будет до восьми. А я уже весь огнем сгораю, – Толик так и ел её глазами.

– А мне-то что до этого? – Спросила Лена с напускным равнодушием.

– Брось, ты же не из железа, я чувствую. И вообще, ес-

ли хочешь танцевать танго, надо уметь отдаваться. А ты всё время притормаживаешь. Попробуй отпустить себя хоть раз.

Лена пошла с ним, как под гипнозом. Любовником он был умелым и ласковым, грех жаловаться. Потом родители Толика ещё раз ходили в гости и раз в кино.

Лена, как могла, маскировала от мамы и папы припухшие губы и круги под глазами. Отец сказал, что такая сильная косметика ей не очень идёт, а мама заступилась: «И пусть, это же для сцены. Танцы – красиво, и не так опасно, как прыжки с вышки». В конце недели неожиданно для всех Лена с Толиком прошли отбор. На районном конкурсе их красивые гибкие тела двигались то нежно, то страстно, очень слаженно, как некий единый прекрасный организм. Они получили третье призовое место.

Алла, снявшая танец на видео, сказала:

– Просто класс! Поздравляю!

А потом спросила с подозрением:

– Что-то у тебя глаза стали сиять. Уж не влюбилась ли ты в Толика?

Лена пожала плечами и не ответила.

– Учти, это у него ненадолго.

Лена подумала: «Вот увидишь, это с другими было ненадолго». А внутри все пело. Ей казалось, что чувства у них взаимные и очень прочные. А дальше – ничего, вообще – ничего! Тренерша перешла к изучению квикстепа. Лена перестала ходить на занятия, принялась срочно подтягивать учё-

бу. Она скучала по Толику, надеялась, что и он – тоже. Через неделю Толик позвонил и позвал в кино, но Лена не могла пойти, был день рожденья папы, они с мамой стол готовили. «Сегодня – никак! Давай завтра». – «Ладно, я позвоню». И больше он не звонил.

Тут уж Лена не выдержала и побежала исповедаться к Алле.

– Забудь, – сказала Алла. – Я тебя предупреждала. И сама ему не вздумай звонить, унижаться. И не плачь, он того не стоит.

Но Лена плакала несколько дней по ночам. Даже хорошо, что ей горевать было некогда: «учиться, учиться и ещё раз учиться». Такой плакат ей папа над столом повесил.

От первой неудачной любви Лене осталось только танго. Зато Алла освоила всю танцевальную программу, двигалась она красиво и ничуть не жалела, что для соревнований её фигура не подходит. «Зачем программисту в ядерной энергетике быть танцором экстра-класса? Я и так могу любому партнеру соответствовать». Такую специальность она выбрала себе: программист, и не где-нибудь, а на острие науки.

Тяжело было расставаться с подругой после окончания школы: Алла уехала учиться в Москву. Конечно, звонки, переписка, скайп, но встречи только в каникулы.

Это было последнее огорчение в жизни Лены. Дальше началось настоящее горе.

Папа умер. Умер совсем внезапно: сердце ночью остано-

вилось. А мама после этого стала сильно болеть, и болела весь последний год. Деньги, накопленные родителями, таяли, как мартовский снег. Братья даже не приехали на похороны отца, они не получили сообщения. Специально ездили отдыхать в такое место, где нет связи. Потом прилетали один раз, проездом в Красноярск по делам, не погостили. С Леной двух слов не сказали. Оставили денег: Дима 25 тысяч, Аркадий 20, мотивируя, что судится с бывшей женой по разделу фирмы. Маме становилось все хуже. Лена не выдержала, написала им обоим на электронную почту, что мама почти не встает, что приходится платить сиделке, что лекарства очень дорогие. Дима перевел 50 тысяч, Аркадий посоветовал продать машину. Только «ценный» совет даром пропал, машину они уже продали.

Мама могла бы сама попросить сыновей о помощи, но она уже плохо соображала, ей казалось, что на счете ещё полно денег, что она и Лена ни в чем не нуждаются. Сессию Лена сдала наполовину досрочно, чтобы быстрее уйти на каникулы и самой сидеть с мамой. Но недолго она ухаживала за ней. Очередной инсульт, потеря сознания, сутки под капельницей. Конечно, ожидала, готовилась к худшему. Но как внезапно пронзила мысль: «Мамы больше нет»!

Опять похороны. Взяла займы у соседей по подъезду. Братья на этот раз прилетели вовремя. Они привезли деньги, рассчитались с долгами, побыли неделю, заказали вторые поминки. А наутро...

До сих пор вспоминать больно. Лена испытала ещё одно потрясение: она не родная дочь, а приемная.

И братьям она – никто. Аркадий так и сказал.

– Елена, извини, ты нам – никто.

– Как это?

– Пожалели тебя родители, когда ты ребёнком из леса вышла на дачу. Они тебя удочерили, а нас даже не спросили.

«Господи, как же это? Я – никто... Братьев нет... Семьи не было... Была иллюзия... Меня пожалели...».

Дмитрий говорил не таким резким тоном, но смысл был тот же.

– Лена, ты уже совершеннолетняя. Родители тебя вырастили, выучили на бакалавра, женщине вполне хватит этого образования. Теперь сама думай, как жить дальше, а на нас не рассчитывай.

– Квартиру мы поделим по справедливости, на троих, раз уж так хотели папа и мама. Срочно продадим и разделим деньги.

– Да. Сколько можно нам с братом в убогой двушке ютиться? Мне, например, супруга сына обещает родить, как только мы разведемся с Аркашей. И ему сейчас в самый раз купить новую квартиру, пока очередная невеста не завелась.

– С юридической точки зрения вопросов нет: квартира была приватизирована на одну маму, а она написала завещание на мужа и детей. Но после смерти папы мы посоветовали ей сделать дарственную. И она сделала, на всех троих, вклю-

чая тебя, Лена. И мы с братом оспаривать в суде не станем, уважая её решение. Цени!

– Так что мы имеем 2/3 в этой квартире, а на свою треть ты здесь вполне купишь «однушку». Если не будешь замахиваться на Центр или верхнюю зону Академгородка.

– Что ты молчишь?

«Что говорить, если вы всё давно решили? Ваша «убогая двушка» на окраине столицы стоила всех сбережений, которые накопили папа и мама, счастливый случай, что это были доллары, а то бы в 98-м году остался пшик. «Мальчишки закончат учебу и смогут работать в Москве и жить в своей квартире, – мечтала мама. – А на старости лет, может, и мы все к ним переберемся». Мама и папа – они не иллюзия. Они меня любили, но теперь моя семья рухнула. В тот приезд они, небось, уговаривали маму меня вообще безо всего оставить».

– А что говорить, если вы всё давно решили? Я согласна, продавайте, делите. Только моя доля мне нужна в виде жилья.

– Да, конечно, на улицу тебя никто не выгонит.

– Значит, план такой: оформляем продажу и покупку одной сделкой. Остаток за вычетом издержек делим на 3 доли. Мы берем деньгами, а на Лену покупается жилплощадь.

На квартиру Лене не хватило, только на комнату. Риэлтор перечисляла плюсы: целых 20 метров, кирпичный дом, толстые стены, большая кухня, широкий коридор-прихожая,

соседи – всего одна тихая интеллигентная женщина. На деле жилплощадь оказалась отвратительная: комната в двушке, первый этаж старого трехэтажного дома, на левом берегу, далеко от метро. А тихая женщина...

– Что так долго ванну занимаешь? – Нина, соседка, вот принесла нелегкая!

– Надо мыться вот и занимаю. И совсем недолго, я даже голову не мыла.

– Ишь, как заговорила, а то всё молчала! Со стола не убрала, тараканов разведёшь. И туалет немытый, твоя неделя дежурить.

«Неправда, я вчера мыла с утра ещё до кастинга. Да что с ней спорить, она же от скуки на стенку лезет, вот и цепляется».

Лена, молча, подошла к своему пустому и чистому столу, взяла единственный предмет посуды, чашку, помыла, и поставила в свой шкафчик.

Если Нина рассчитывала на долгую перепалку во время завтрака, то просчиталась. Ни есть, ни пить Лена не собиралась. Она сразу ушла в комнату, чтобы обдумать прыжок. Она уточнила высоту Октябрьского моста, который родители называли по-старому «Коммунальный». Ничего себе высота – 30 метров! Конечно, опыт хай-дайвинга есть, в Казани она прыгала в бассейне с новой вышки высотой 20 метров. Родителям тогда ничего не сказала, мама даже обычных прыжков боялась. «Зачем тебе рисковать? Плавай себе в

длину и плавай. Нам твои разряды не нужны, было бы здоровье». Но даже с немалым опытом обычных прыжков высота в 20 метров сильно поразила Лену. Первый раз бассейн внизу показался непривычно маленьким, боялась промахнуться. Зато впечатление было ошеломляющее. А с моста в Обь – не промахнешься.

«И бояться за меня теперь некому. Разве что Алле рассказать? Нет, лучше после, когда придет. Она будет гордиться мной, и никому не разболтает. Хорошо, что сейчас вода высокая, уровень 4 метра, вчера передавали. Это уменьшает высоту до 26 метров. А глубину увеличивает примерно до семи. Папа рассказывал, дно чистят и углубляют каждый год в начале навигации, чтобы на фарватере было три-три с половиной. Вполне достаточно. Тем более что прыжок примитивный, «солдатиком». Это – плюс. А минус – прыгать придется не в купальнике, а в офисном костюме. В воздухе одежда будет парусить и под водой сильно мешать. Особенно – юбка-карандаш. Но так должен быть одет персонаж фильма. Неважно, что никто не узнает, главное, что сразу тысяча долларов за полчаса работы».

А ведь на этот кастинг вчера она попала совершенно случайно. Лена прибирала в комнате, ломая голову, куда устроиться на работу на лето, чтобы заработать на жизнь, а главное – на плату за обучение. Телефон тоненько просигналил, что кончается зарядка. Понесла включать в розетку – на экран вывалилась лента новостей «Для съемок фильма «Гордые

имена» приглашаются юноши и девушки, жители Новосибирска, в возрасте от 18 до 25 лет, спортивного телосложения, имеющие спортивные разряды по плаванию и прыжкам в воду». Вовремя прочитала, кастинг не просто сегодня, он уже идет!

Очередь пришлось занимать от остановки, но двигалась она довольно быстро. В очереди прямо перед ней стояли 2 парня и обсуждали зарплату в день, предполагаемая сумма Лене очень понравилась. Мнения у них разошлись: от 700 до полутора тысяч рублей «налом» за день съемки. Они, каждый в своем телефоне, читали заметки в Интернете и обменивались информацией.

– А вот в Европе, если повезёт, тысяча евро, но за 12-тичасовой рабочий день.

– Это что! Вот каскадеры гребут хорошие бабки.

– Но они же рискуют.

– Вовсе нет. Каскадерские трюки бывают неопасные: пощечина, споткнулся и на газон упал, в лужу сел, – любые. А уж если опасные – там хорошая доплата. За прыжок с 20 метров плюс 2500 евро. А если в горячей одежде – ещё 1800.

– И ты считаешь, что это – лёгкие деньги?

«Да уж, – мрачно подвела итог Лена. – В горячей одежде с 20 метров – до низу одни угольки долетят, и те разобьются. Но у нас кино про спорт, гореть не придется, все будем плавать и нырять. И название, видимо, из песни. Как-то так: «мы хотим всем рекордам наши гордые дать имена».

У двери «фейс-контроль» отсеивал кандидатов в массовку. Непригодными считались толстые, тощие, слишком высокие, малорослые, старшего возраста, несовершеннолетние, с дефектами лица или фигуры. Парни, так хорошо просвещавшие Лену в очереди, не прошли по возрасту. Один доказывал, что ему осенью будет 18, второй пытался схитрить, что паспорт дома забыл, но не помогло. «Идите и принесите».

«А вам сюда», – Лена успешно миновала входной фильтр и попала в холл, где стояли несколько столиков, стулья. Всем раздавали листочки анкет, на обороте был напечатан номер, ей достался «243-Ж». Лена присела и заполнила: ФИО, возраст, рост, вес, виды спорта, разряды, контактный телефон, разрешение на обработку персональных данных, подпись. С готовой анкетой надо было сфотографироваться и пройти вперед через холл по дорожке между оранжевых конусов. Цифровая камера отщелкивала снимки раз в секунду, парень за компьютером, как автомат, жал на кнопки, замедляясь только, если кандидат держал номер не перед грудью. «Номер выше. Номер ниже. Всё. Идите быстрым шагом прямо на свет, улыбнитесь, там положите анкету в коробку, а потом – сразу на выход, с вами свяжутся», – бубнил он. На экране на секунду появлялось изображение с номером. «Как у арестантов», – подумала Лена.

Перед дорожкой возникла небольшая очередь, кандидаты тихонько обсуждали, здесь ли сам знаменитый режиссер,

или это ассистенты. Лену эти детали не волновали. «Следующий» – гаркнули в микрофон, Лена выпрямилась и бодро пошла вперед, настраивая себя на успех привычной фразой: «Всё будет хорошо!» С полпути начала улыбаться. Яркий прожектор сверху светил прямо в лицо, под ним справа и слева стояли два столика. Там сидели какие-то, наверное, известные деятели кино, а за их спинами маячили менее значительные фигуры. Важные деятели по короткой пробежке оценивали фигуру, походку, осанку кандидатов, а когда выбирали, делали знак помощникам, которые подзывали к столику. Листочек шел в стопку на столе. А если не выбрали – в коробку запасных. Лене повезло, её анкета попала на столик. Сквозь гул и гвалт, она едва расслышала, что принята в массовку, о начале съемок ей сообщат по телефону на следующей неделе.

«Повезло, так повезло! Дня не прошло с кастинга, как пригласили сняться в эпизоде. Интересно, почему в фильме про спорт есть сцена с самоубийцей? И зачем героиня прыгает с моста? Собственно, какое мне дело до сценария этого фильма? Может, героиня выплывет и станет затем знаменитой спортсменкой. Или её спасёт знаменитый спортсмен, и они пожениятся. Главное, что мне заплатят за прыжок, а потом и в массовке подзаработаю хоть сколько-нибудь».

Лена сделала небольшую разминку, причесала волосы. Она оделась в шорты и свободную майку, в качестве нижнего белья выбрала комплект для бега: широкий лиф-топ и плот-

ные трусики. Хорошо бы в этом и прыгать, но нельзя, сценарий ради неё не изменят. Полотенце и расческу положила в пакет, мелочь на дорогу – в карман шортов. Кеды обула старые, поношенные, всё равно переоденут с головы до ног. А то вдруг в суете пропадет что-нибудь, кто там будет следить за её вещами? А какие-нибудь зеваки сопрут, пока она будет под водой. По той же причине не взяла телефон и ключи от комнаты и квартиры. Ключи положила в карман зимней куртки в стенном шкафу в прихожей. Никто не догадается, самой бы не забыть. Замок новый ставила всего неделю назад, жалко будет ломать, да и денег мало осталось. «Ничего, вот начну сниматься в массовке, там платят налом каждый день. Иногда и кормят. Так в очереди говорили». Входную дверь тихонько захлопнула. Нина сегодня после суток, никуда не пойдет, она и впустит Лену, все какая-то польза от противной соседки.

В минивэне сидели двое: ассистент режиссера Александр за рулем и длинноволосый высокий парень, Борис, оба в круглых темных очках. Никогда не нравились Лене такие круглые синие очки, как у лже-слепого кота Базилио. По-мреж Александр, накаченный и стриженный почти под ноль брюнет, больше походил на борца, чем на кинодеятеля. Он твердил ей одно и то же, как слабоумной. Что тут сложного?

Пройти по мосту со стороны левого берега, героиня якобы приехала на машине, вышла и прошлась до середины реки.

Место фарватера отмечено на соседнем метро-мосту. Идти надо не бодрым шагом, а понурившись. Потом постоять секунду-другую, перегнувшись через перила, глядя на воду. Дольше стоять не стоит, движение через мост не будет открыто, начнут мешать случайные прохожие или водители. Быстро перелезть через перила и прыгнуть вниз, изображая самоубийцу. Съёмка будет вестись скрытно: из микроавтобуса, видеорегистратором из проезжающей машины, «рыбаками» с берега. В фильме этот сюжет якобы показывают в криминальных новостях. Про сам прыжок ничего не сказал, сразу видно, не профессионал. Ну, здесь Лена в его советах не нуждалась. Под водой Лену будет страховать аквалангист, сразу поможет ей подняться на поверхность и отбуксирует к берегу. Главное условие – съёмка с одного дубля.

– Да поняла я, все поняла. Давайте костюм.

Лене выдали пакет с костюмом, велели переодеться и вышли. Серая юбка-карандаш, свободно крутилась на талии, но обтягивала бедра. Черная блузка-топ с глубоким вырезом без рукавов не стесняла движений. Туфли-балетки черного цвета были изрядно тесные. «А это что в маленьком мешочке? О, ужас, еще и чулки! Летом, в жару! Черные, для цельного образа. По крайней мере, они с силиконовой полоской, на бедре держатся нормально. Да и ноги не сотру».

– Я готова.

– Всё нормалёк! Давай, Боря, прическа, маникюр, майк-ап.

Боря при ближайшем рассмотрении имел длинные светлые волосы только в верхней части головы ото лба до затылка, они были зачесаны назад и собраны в хвостик, а по бокам все было выстрижено до полсантиметра. Он усадил Лену рядом с собой на второй ряд сидений и очень быстро сделал ей причёску, простую, но удобную для плавания. Половину волос ото лба и с висков собрал в пучок на макушке, полученный хвост заплет в косу, а потом прихватил вместе с нижними волосами второй резинкой на затылке. Пучок волос сзади дошёл до середины спины, но зато ничего в глаза не лезет, не мешает. Потом Боря велел закрыть глаза и сделал макияж буквально в минуту: мазнул тенями вокруг глаз, обвел контур губ карандашом, но красить не стал. Припудрил светлой помадой. Ногтям уделил чуть больше времени: наклеил накладные темно-бордовые. Клеил быстро, профессионально, мазнул кисточкой – приложил, мазнул – приложил.

– Ну и скорость! А держаться будут?

– Сколько надо – продержатся.

Лена посмотрела в зеркало, она стала выглядеть старше, бледная, губы тонкие, под глазами как будто мешки набухли, веки покрасневшие, как от слёз. Боря был доволен:

– Вот, Алик, зацени: почти один-в-один.

– Не совсем. Давай очки оставим.

Алик протянул Лене тонированные очки в позолоченной оправе с массивными металлическими дужками.

– В таких очках прыгать в воду! – Возмутилась Лена. –

Так же можно глаза повредить.

– Ладно, не кипяшись! Снимешь в последний момент и в карман сунешь. Поехали уже, а то в пробку встанем.

– Стоп, а мой гонорар?

– Гонорар – после работы.

– Нет, половину – сейчас.

Они быстро переглянулись. Лена встревожилась, неужели, хотят обмануть? Что им стоит отснять прыжок и уехать в своем минивэне? Кстати, никаких договоров они не подписывали. Может, они и не из киногруппы, а решили заработать, предложив отснятый материал. А она останется без денег, да еще и без вещей.

– Зачем тебе сейчас, прыгать с ними будешь?

– Для уверенности.

– Ага, как в кино, «когда на дело пойдем, будет сердце греть», – заржал Боря.

– Что, «не захватили»? – С нажимом спросила Лена, готовясь поскандальить.

– Обижаешь, – лениво протянул Алик.

Он нырнул в сумку и вытащил пачку пятидесятирублевых купюр. Целую банковскую пачку!

– По текущему курсу примерно 65 тысяч рублей получается, вот 30 штук – аванс, чтобы не передумала на мосту, – он отсчитал 6 красных банкнот и протянул Лене. – Остальное получишь после. Если с одного дубля получится снять, еще пятерку премии. Ну, можно ехать?

Лена кивнула, и они поехали к мосту. Она успокоилась, что деньги есть, её не собирались кинуть. Ага! Где она их оставит? В этой самой машине? Ну, нет! Лена вынула из пакета маленький полиэтиленовый мешочек из-под чулок, свернула деньги трубочкой, туго завязала и спрятала в лифчик.

Лена, чуть запыхавшись, преодолела лестницу, поднялась на мост и пошла по тротуару. Было уже 11 часов. Солнце припекало хорошо, но светило не прямо в лицо, а в правую скулу, туфли явно натирали пятки, но можно потерпеть. Главное – сделать все точно, как договорились, на мосту, а потом аккуратно войти в воду, строго перпендикулярно, оттянув носки, прижав руки к бедрам. Тогда сила удара о поверхность воды будет минимальной. Шла она, как сказали, понутив голову, не глядя по сторонам. Только изредка поглядывала вправо на мост метро, который был метрах в сорока параллельно коммунальному. Вот и нужное место: висит красный плакат, отмечающий фарватер. Метро-мост почти полностью перекрывал вид на реку, но Лена не собиралась любоваться пейзажем. Она перегнулась через перила и посмотрела на воду. Глубину определить невозможно, но это точно – фарватер. Лена выпрямилась, перелезла через перила, встала на неширокий карниз, скинула надоевшие туфли и стала делать глубокие вдохи и выдохи, вентилируя легкие. «Один, два, три. Сейчас».

Сзади стали сигналить машины, оглянулась мельком, ей машут, кричат, но останавливаться на мосту запрещено правилами движения. Прохожих, к счастью, не было. Вдруг одна машина остановилась, водитель кинулся к ней. Мужчина бежал быстро и тянул руки, чтобы схватить её. Лена заторопилась и шагнула вперед в пустоту. Уже в падении она заметила, что совсем близко, почти под мостом метро буксир тянет баржу вниз по течению. Баржа приближается слишком быстро, и скоро будет прямо под ней. Надо будет спешно убраться с её дороги. Очки забыла! Сдернула правой рукой, зажала крепко. Тело накренилось вправо, юбка парусила... Удар! Вот, черт! Вошла в воду под небольшим углом, приложились скользом правым боком и локоть ушибла. Лена быстро развела руки, тормозя погружение, и начала работать ногами. «Всё, я смогла, сделала это! Скорей наверх! Вдохнуть полной грудью – и плыть в сторону берега, а то баржа где-то близко уже. Ничего, ушиб небольшой, животом приложиться – вот это опасно».

Вода была холодная, намного холодней, чем в бассейне. Лена открыла глаза, чтобы не прозевать баржу, без подводных очков в заиленной зеленоватой обской воде видно было плохо, но сверху шел свет. Справа внизу возникла смутная фигура, приблизился аквалангист в маске и нагубнике, от которого шел белый шланг к баллону за спиной. Он протянул руки, Лена успела помотать головой, что сама выплывет. Но он схватил её за юбку и потянул вниз. Лена забилась,

смогла его оттолкнуть. Свихнулся, что ли? И так время на исходе, в ушах шум, в глазах темнеет. Она почти всплыла, но аквалангист догнал её, поравнялся и вдруг ударил чем-то по голове. Лена в последний миг дернула головой вправо, но все равно от удара чуть не потеряла сознание. «Больно как! Гад, вот я тебя!» Она в ответ ткнула рукой что есть силы в лицо под маской и порвала металлической оправой очков гофрированную трубку. Серебристые пузыри воздуха рванули вверх. Враг хлебнул воды, поперхнулся, глаза под маской вытаращились, светлые голубоватые глаза. Он отшатнулся от Лены, пошел на подъем, энергично работая ластами, и пропал из виду. Лена выскочила, наконец, на поверхность. Судорожно выдохнула воду и глотнула воздух. В ушах звенело, перед глазами плавали круги, но сквозь них картина открылась угрожающая.

Она всплыла совсем не под мостом, течение отнесло уже метров на десять, а прямо в просвете между буксиром и баржей. Её широченный нос надвигался неотвратимо. «Утянет под днище – и конец!» – Лена набрала воздуха, нырнула и отплыла в сторону пару метров. Теперь мимо неё проплывал правый борт опасной громадины. Сильно нагруженная посудина сидела в воде низко, вдоль борта шли низкие перила ограждения, в одном месте в воду свесился конец веревки. «Если влезу на баржу, псих меня не достанет». Лена ухватила за веревку, непонятно как подтянулась и влезла. Повезло, что узкая юбка лопнула по шву. Веревки стягива-

ли брезент, которым были накрыты штабеля высоких ящиков. Лена проползла под брезент в щель между ящиками и отключилась.

Когда Лена очнулась, она никак не могла понять, где она и что с ней. Отчего так голова болит, левый глаз не разлепляется? Почему она лежит ничком на этом жестком неудобном ложе? Лена с трудом села и огляделась. Крыша, сквозь которую просвечивает солнце, дощатые стены слева и справа. Ящики. Она на барже! Лихорадит, сознание путается. Она на самом деле прыгнула с моста? Её хотел убить аквалангист? Или это ей померещилось? Может, она голову повредила от удара о воду? Нет, тогда бы уже утонула. Да, что с глазом? Ой, это с виска кровь натекла и уже подсохла. И юбка высохла, и блузка. Рваные чулки почти сползли, скинуть их скорее! Белье ещё влажное слегка, холодит тело. Она вспомнила про деньги, они оказались на месте. 30 тысяч! Из-за этой фигни её чуть не убили? И вот – обломайтесь! Она начала хохотать, неожиданно хрипло и неудержимо. Потом заплакала. Потом обессилела и сидела в оцепенении, в каком-то полубморочном состоянии. А баржа все плыла и плыла вниз по течению Оби...

Вдруг раздался резкий сигнал сирены, буксир сигнализировал встречному судну. Лена осторожно выглянула наружу и неожиданно узнала проплывающий справа близкий берег. За те часа два, пока она была в отключке, баржа подошла

почти к Сосновке. «Здесь же наша дача!» Вот оно, убежище. Братья Новицкие дачу выставили на продажу, но желающих пока не было. Председатель товарищества, которого они подключили к продаже, сказал Лене откровенно: «За такие деньги, да в разгар сезона, никто у них не купит. Можешь спокойно жить всё лето». Лена пробралась на корму, сняла и выбросила дурацкую юбку, а блузкой повязала голову, как банданой, и скользнула в воду.

Поплыла «пляжным брассом», экономя силы, которых почти не осталось. Немного прошла по песчаному берегу, потом вылезла на обрыв по тропинке, знакомой с детства. Сосновые иглы кололи ноги, среди густых кустов показался старенький поседевший забор. Сорняки за ним стояли стеной по пояс. Вообще незаметно, что в мае она здесь что-то копала и сеяла. Два дня убила зря, но мама очень просила. Как просеки, в сорняках остались тропинки, заросшие белым клевером «кашкой». Калитка – со стороны улицы, а ключ у председателя, но Лене не нужна калитка. Здесь есть доска, висящая на одном гвозде, она отодвинула её и пролезла. Соседка, Ольга Петровна, не разгибаясь, трудилась на грядках, Лена не стала её окликать, наоборот, встала на четвереньки и прокралась к крыльцу. Ключи на месте, запасной комплект, на гвоздике под крыльцом. Скорей спрятаться, закрыться и лечь! Уже чувствуя подступающую дурноту и головокружение, схватила какую-то одежду с вешалки и пошла к дивану. Тут всё закружилось и потемнело...

Проснувшись в сумерки, еле-еле встала, чтобы добрести до биотуалета. «Надо же, всегда считала, что папа деньги на ветер выбросил». Зазнобило так, что зубы стучали. Закуталась в мамин махровый халат. Не зажигая света, вскипятила чайник, заварила листья малины. «Их мы вместе с мамой собирали, давно, ещё в той жизни». Слабость, наверное, от голода. Открыла банку рыбных консервов, через силу проглотила несколько ложек, запила чаем. Озноб прошел. Но голова болела невыносимо.

Взяла с тумбочки круглое зеркало, подошла к окну на веранде, где за тюлевой шторой еще светлело небо на закате. С левой стороны лица – жуть: на виске короста, щека опухла, глаз почти закрылся, до уха дотронуться невозможно. Вдруг раздался шум мотора, у калитки остановился джип, из него вышли двое крепких мужчин, чуть помешкали, и ловко перескочили через забор. Лена села на пол, где стояла, сжалась от ужаса. Шаги, ближе, мужские голоса, топот на крыльце, дергают дверь.

– Не похоже, чтобы замок на калитке открывали, да и следов нет, травой всё заросло.

– Видно что-нибудь?

– Нет никого, – прямо над её головой за окном с тюлевой шторкой.

Сердце бьется так громко, что его, наверное, сейчас услышат. «А где ключ от двери? Вдруг в замке оставила?» Не поворачивая головы, скосила глаза в сторону двери. Ключ на

обычном месте, на крайнем крючке вешалки. Машинально, когда вошла, дверь закрыла и ключ повесила.

– Эй, мужики, а что это вы здесь ищете? – Ольга Петровна подошла к забору. «Дай ей Бог здоровья!»

– А мы – покупатели, объявление увидели.

– Зря сюда приехали, надо было сперва позвонить, председатель мог бы показать. А сегодня ни его нет, ни хозяйки, не приезжал никто.

– Может, спит хозяйка?

– Если бы приехала, прошла по двору, а я весь день в ограде. Вот и калитка на замке. Значит, нечего было вам лазить через забор.

– Да мы – ничо, не поломали же. Посмотрим снаружи, да поедем.

Соседка, судя по всему, уходит к себе в дом. Лена даже, кажется, дышать перестала. Мужики стоят прямо у окна, под которым она сидит. Один тихо говорит:

– Может быть, поджечь и дело с концом?

– Нет, шеф не говорил жечь. И эта баба нас видит. Поедем в город. Скажут, подожжем, только по-тихому.

Лена сидела неподвижно так долго, что не заметила, как уснула прямо на полу.

Она проснулась ранним утром, первые косые лучи солнца пробивались сквозь щели в шторах. Она лежала в чистой постели, укрытая одеялом. Голова покоилась на мягкой по-

душке и болела гораздо меньше, Лена поднесла руку к голове и обнаружила компресс, а на виске пластырь. Кто этот чужой старик у постели?

– Леночка, не вскакивай так резко!

– Вы вообще – кто?! Как в дом попали? Я дверь закрывала.

– А потом открыла.

– Нет.

– Ночью открыла, ты не помнишь. А я – Николай, двоюродный брат твоей мамы. Дядя Коля.

– Какой дядя? Какой брат?

– Да вот же, я на фотографии с вами стою, – он торопливо вынул старомодный телефон, раскрыл обложку, вынул небольшую фотографию и дал в руки Лене. – Здесь, на этой самой даче.

Лена недоверчиво рассматривала снимок на куске плотной бумаги. «Папа, мама, девочка с косичками – я. Мне лет пять, это еще до травмы позвоночника. А рядом – дядька, намного моложе мамы. Но похож, да, это – Николай. Он и молодой был худой, жилистый, а сейчас ещё сильнее усох. С мамой они совсем не похожи: темные волосы, глаза карие».

Перевернула, на обороте написано «Сосновка».

– А вы часто к нам приезжали?

– Да случалось.

– А почему я вас не помню?

– Когда я еще школьником был, потом в медучилище учился, тебя не было и в проекте. А позже – совсем редко.

Я не хотел надоедать Наташе. Родня из меня не престижная. Был санитаром, ни денег, ни связей. Потом сидел. А когда перебрался на Сахалин, стало трудно ездить. Работал коком на судах, ходил в море. Теперь живу там же, только на берегу.

– Я сейчас почему приехали?

– Приехал, потому что ты одна осталась, без родителей. Подумал, надо помочь, поддержать. У меня остался должок перед Наташей и Михаилом.

– А вы знаете, что я... – у Лены перехватило горло.

– ...Приемная дочь? Знаю, конечно, – Николай явно не видел в этом никакой трагедии. – Наташа рассказала, как ты к ним маленькая из леса вышла. Они с Михаилом очень удивились, как такая кроха, годика два всего, одна в лесу оказалась. Давали объявления, искали твоих родных. А потом так полюбили тебя, что удочерили. Свои мальчики у них уже взрослые были, жили отдельно, в Москве учились, а они ещё не старые были, далеко до пенсии, надеялись, что хватит времени тебя вырастить, выучить, на ноги поставить.

– Не успели выучить, – Лена заплакала от жалости к себе и к родителям.

Николай стал аккуратно промокать ей слёзы полотенцем, как опытная сиделка больному. А сам продолжал говорить.

– Ничего, Леночка, не плачь, всё теперь будет хорошо. В моей жизни было такое, что я долго не мог выйти из темного леса. И ты сейчас как будто в лесу, но обязательно выйдешь на солнечный свет. Я тебе помогу. Сейчас позавтракаем и

поедем в город в больничку. А пока Расскажи, что с тобой
стряслось? С кем подралась? Кто тебя обидел?

– Меня убить хотели! – Выкрикнула Лена и добавила
упавшим голосом. – Вернее, и сейчас хотят.

– Ну, ни х...хрена себе, заявочки! Ты не бредишь? Отве-
чай внятно: что, где, когда?

– Отвечаю внятно! – Лена так разозлилась, что села,
невзирая на боль в голове. – Меня топил аквалангист под
Коммунальным мостом, вчера утром. Но я сбежала на бар-
же. А два мужика хотели сжечь вместе с домом, здесь, вчера
вечером. Но их видела соседка. И я не брежу. Вот на лице
доказательства – вам мало?

Николай раздумывал не больше секунды.

– Ясно, что ничего не ясно. Но здесь оставаться нельзя.
Собирайся, быстро, делаем ноги отсюда!

– А завтрак?

– В машине поешь. И подробно всё расскажешь. Как нам
выйти незаметно?

– Через лаз в заборе, вон там, возле леса.

– Годится. В той стороне – моя машина, я её за кустами
поставил, совсем рядом.

Лена оказалась в машине через несколько минут в чем бы-
ла: старый мамин халат, надорванные пыльные шлепки. Ни-
колая как будто подменили. Куда-то исчез добрый старень-
кий дяденька. Лицо его стало жестким, как высеченным из
камня. Двигался он быстро и почти бесшумно. Когда они,

пригибаясь, дошли до дырки в заборе, он ногой отжал вторую доску, даже не приостановился. Казалось, он сейчас и стену бы прошел насквозь.

Лена проснулась от пения птиц. Да, она же в «больничке», в своей отдельной палате, комфортной, как гостиничный номер-люкс. Неделя как она в этом элитном заведении, расположенном в черте города, но в лесу. Вокруг птицы поют и клумбы цветут. Персонал вежливый до невозможности. Врач прописал лечебные салфетки на рану, пилюли, сон. Рана почти не беспокоит, голова тоже. Помимо сна, лекарство оказывает умиротворяющее действие. Лене иногда кажется, что не всё, что она помнит, было на самом деле. Может, никто не топил её, а она о баржу стукнулась? Может и джип не приезжал? Вот дядя Коля – реальность, он навещает её каждый день примерно в 11 часов, приносит фрукты, но телефон не дает. А больше ничего не происходит. Очень скучно только спать и есть, а из палаты выходить не разрешают. Из одежды – больничная пижама, шелковая голубая в цветочках, да в шкафу вещи, в которых приехала: халат, тапки, белье. Все выстирано и поглажено, а в кармане халата – пакетик с деньгами, так дорого доставшимися.

– Доброе утро! – Санитарка в светло-зеленом костюмчике принесла поднос с завтраком. – Вчера вы просили включить телевизор, доктор разрешил, но не долго, по часу утром и вечером. Вот шнур питания и пульт.

Отличная новость! Можно будет скоротать время до приезда дяди Коли. Лена приняла пилюлю, которая «до еды», и принялась за творожную запеканку с фруктами.

«Хорошо здесь кормят. Роскошные условия. Интересно, сколько это стоит? Тридцать тысяч для такого заведения, похоже, совсем пустяк. А еще делали МРТ. Дядя Коля просил не волноваться, он заплатит «без проблем». Странно как-то он появился, совсем внезапно. «Дядя Коля с Сахалина». Определенно, мама ничего о нем не рассказывала, по крайней мере, в последние несколько лет. Никаких писем, сообщений, звонков тоже не было. И вдруг явился, помахал фотографией. Да Алла в «фотошопе» может за полчаса напечатать десяток! Но он же меня спас, поместил в больницу. Вот именно, в больницу. А почему не обратился в полицию? Вёл себя так странно, как в шпионских фильмах. Нет, чего я дергаюсь? Все же хорошо. Сейчас сок допью, пилюльку «после еды» приму и новости посмотрю. Что там, в свободном этом мире, происходит?»

С комфортом устроившись в подушках, Лена принялась щелкать пультом, попадая все время на рекламу. Плазма метр на полтора была настроена всего на 3 канала, через 3 минуты на втором обнаружили новосибирские новости. «А теперь переходим к происшествиям». На экране появилась девушка в темных очках, стоящая у перил моста. Ошеломленная Лена узнала себя. Снимали телефоном из проезжающей машины, сначала против солнца, потом при нор-

мальном освещении. Юбка, черный топик, хвост темных волос на спине, лица не разобрать. И ещё из одной машины, а потом – с противоположной стороны моста. Вот она уже за перилами, проезжавший автобус скрыл её, но снизу с берега снято, как она летит в воду, волосы поднялись веером. Даже издалека видно, что в воду вошла немного криво, брызги фонтаном, чей-то крик. «Фу, позор какой, сейчас объявят, что каскадер для фильма – Елена Новицкая». Диктор ровным голосом с трагической ноткой вещал совсем иное. «До сих пор не найдено тело женщины, бросившейся с Октябрьского моста в прошлую субботу. В полицию поступило заявление от известного бизнесмена, обнаружившего определенное сходство жертвы суицида со своей женой. Женщина пропала в субботу утром, её машина найдена недалеко от моста. Объявлена награда за достоверную информацию о её местонахождении». На экране побежала строчка с номерами телефонов.

«Вот так попала, ты, Леночка, в кино! Что это значит?»

Сердце бешено заколотилось, в висках заломило от боли, Лена напряженно думала.

«Если это не было кино, значит, это... Господи! Жуть какая! Это – убийство. А меня заманили, чтобы изобразить самоубийство. Это не аквалангист был псих, это я – полная дура. Жenu бизнесмена раньше утопили, а потом придумали этот трюк, чтобы каскадерша при свидетелях сама с моста прыгнула. Теперь убитая жена где-то выплывает, а каскадер-

ша, то есть я, выплыть не должна. Они теперь меня ищут, чтобы убить: Алик, Борис, аквалангист, те двое в Сосновке – ужас, их же целая шайка! А дядя Коля? Может, он и не дядя, и не Коля?

– Здравствуй, Леночка! Как дела? Да что ж ты так вздрагиваешь? – Николай вынул пульт из руки Лены и выключил телевизор в момент рекламы майонеза.

– Задумалась. Здравствуйте!

– Не надо много смотреть телек, тебе вредно.

– Что доктор говорит? Меня скоро выпишут?

– Доктор говорит, динамика хорошая, организм крепкий.

Я тебе апельсинов принес.

– Ой, не надо, здесь очень хорошо кормят. Ладно, возьму парочку, – Лена опустила глаза, любуясь апельсинами.

«Надо его расспросить незаметно. Я-то ему всё выложила, пока ехали из Сосновки, а он про себя и словечка не проронил».

– Дядя Коля, а как вы меня нашли, как догадались, что я на даче?

– Я прилетел утром, остановился в гостинице и пошел на вашу квартиру на улице Советской. А там – пусто, ремонт идет. Соседка на площадке сказала, что ты и твои братья квартиру продали, поделили, и ты переехала по новому адресу.

– Это какая соседка, старушка?

– Нет, она чуть за сорок.

– Да, я же оставила адрес, вдруг кто искать будет. «Никому я адрес не давала, кроме Аллы».

– А мне она не сказала, странно. Я попросил адвоката знакомого посмотреть регистрацию сделок с недвижимостью. Он нашел эту комнату на улице Мира.

– Да, пришлось переехать в комнату, было очень трудно выбрать, что из мебели перевезти, а что бросить. Жалко было, но круглый стол и мамину любимую горку с хрусталем пришлось продать.

– Ясное дело, вся мебель в одну комнату не вместилась бы. Но все же не без крыши над головой.

«Вот ты и попался, «дядя»! Не было у нас круглого стола, и хрусталь мама не собирала. Спокойно, Лена, вдох-выдох, вдох-выдох, продолжаем разговор».

– Да. Так что дальше, дядь Коль?

– Тебя дома не было, соседка Нина сказала, что ты ищешь работу, но еще не устроилась, что ты ушла рано утром, наверное, скоро вернешься. Предложила подождать. Я ждал до обеда, сначала в квартире, потом на улице. Начал беспокоиться. Куда ещё могла поехать? На дачу. Погода хорошая. Взял машину в прокате и поехал. На выезде пробка была. Только после заката добрался.

– А почему не к калитке подъехал?

– Я проехал мимо, калитка закрыта, замочек висит. И объявление о продаже. Подумал, раз приехал – подожду. Переехал в кусты за огородом. Как раз то место, где ты ребёнком

из леса вышла. Ждал долго, совсем стемнело, везде огни погасли. Я решил напоследок постучать, тогда и ехать в город. А ты дверь открытой оставила, а сама лежала на полу.

«Не открывала я дверь! Отмычку подобрал, наверное». Лена опять опустила глаза, чтобы не выдать своих мыслей, а потом и вовсе отвернулась и деланно зевнула, прикрыв рот.

– Что-то я устала...

– Да отдыхай, утомил я тебя разговорами. Всё будет хорошо.

«Не будет ничего хорошего, если я здесь останусь. Отравят или ещё чего. Исчезну бесследно. Бежать немедленно – и сразу в полицию!»

Лена выглянула, коридор пуст, все двери закрыты. После обхода и процедур всегда наступает тишина примерно на час, то ли чай пьют, то ли совещания проводят. Она быстро дошла до входной двери, закрытой на задвижку, но остановилась в нерешительности. Как идти в полицию в этой голубенькой пижаме в цветочек? Она оглянулась. «Комната отдыха медперсонала» – то, что надо. Может, есть одежда приличнее? Никого нет. В шкафчике висит зеленая униформа. Схватила – и на улицу. За воротами на лесной дороге, бросила куртку, широкую и длинную. Но штаны оказались узкими, бросила. Дорога вышла на шоссе к бетонной будочке автобусной остановки. «Ой, а деньги-то!» Деньги остались в кармане старенького халата, лежащего в шкафчике. «И ку-

да я без денег, да еще в такой одежде?» На автобусной остановке стояла очень полная пожилая женщина в летнем комплекте, сиреневом в белых розочках. Лена почувствовала себя уверенней.

– Меня обокрали, мне в полицию надо, как доехать? – Смело обратилась она к незнакомке.

Та разохалась и разохалась, но посоветовала не ждать автобус.

– А идите прямо так до первого поворота, потом вверх по улице и в первом этаже пятиэтажки – полицейский участок.

Через 20 минут ходьбы быстрым шагом, Лена объяснялась с дежурным, сидящим за стеклянной стенкой.

– Сержант Калачёв, стажер, – представился рыжеволосый парнишка.

Он был такой молодой, что у Лены вырвалось:

– А нет кого-нибудь постарше?

– Участковый пошел на обед. Вы по какому вопросу, гражданка?

– Мне, наверное, надо заявление подать.

– Заявление подать можно. У вас есть паспорт? Нет паспорта? Вас что, обокрали?

– Нет, меня убить хотели! – голос у Лены предательски сел, горло сдавили подступающие рыдания. Дальше она только мотала головой.

– Как хотели убить? Где, здесь? В городе? То есть, не на нашем участке? Так что же вы там не заявили? Или по месту

жительства. Где живете? Ну, не надо плакать! Вот я сейчас с начальством посоветуюсь. Что-то вы бледная? Выйти? Конечно, подождите снаружи на ветерке.

Лена вышла из душного помещения на улицу, зашла за угол здания в тень. Дурнота отступила. Рядом за открытым окном сержантик говорил по телефону. «...Такая странная, как из психушки. Путается: то обокрали, то убили. Нет, не пьяная. Может, и нюхала что. Да, слегка побитая. Ориентировка есть? Да, подходит: волосы длинные темные, глаза карие, лет 30, рост 170. Куда доставить? Сами приедут? Так точно! До вашего прихода задержу».

Лена побежала, не дожидаясь, когда её «задержат»: дворами вниз по улице, по шоссе направо в противоположную от больницы сторону. Она чувствовала себя загнанным зверем. Машины пролетали мимо, обдавая пыльным бензиновым ветерком. Вдруг одна остановилась, открылась дверца. Дядя Коля схватил её за руку. Сопротивляться не было сил.

– Куда тебя понесло! Что ты устроила?

– Я знаю, что вы никогда не были в нашей квартире на улице Советской. Только адрес знаете. Вы кто вообще, что вам от меня надо? Вы заодно с ними, с моими убийцами?

– Если не веришь мне – иди в полицию.

– Я там была, меня ищут. Про меня есть – как это? – ориентировка.

– Вот дура! Теперь они узнают, что ты жива.

– Недолго мне осталось. Они женщину убили, похожую на

меня, и меня убьют. Я сегодня новости видела...

– Лена, я видел эти новости, но не хотел тебя пугать. Но ты все узнала без меня.

– Кроме одного: кто вы такой?

– Кто я? Я – двоюродный брат твоей мамы, Николай Николаевич Таиров. Вот мой паспорт, в нем лежит посадочный талон, я прилетел на самолете с острова Сахалин через Хабаровск. Там все написано. Да, я не был на вашей квартире. Но несколько раз был на даче в Сосновке, первый раз, когда Наташа была беременна первенцем, Димой. Последний раз, когда тебе уже было 5 лет. Помнишь подарки: большую рыбу, ракушки, жемчуг для мамы?

– У мамы было красивое жемчужное ожерелье, но пришлось его продать. И я не помню, откуда оно.

– Ну, хорошо, пусть ты забыла, как я приезжал с Сахалина, как привез жемчуг. Но образок Святой Елены, в честь которой тебя назвали, у тебя сохранился?

– Да. Мама дала.

– Так вот. Этот самый образок Святой Елены был у тебя в кармане, когда тебя нашли Наташа и Михаил. Я его видел, держал в руках, здесь, в этой самой Сосновке. Он вот такой маленький, деревянный, прямоугольный. Портрет святой Елены – поясной, она в золотой короне, под короной – белый платок, платье у неё красное, а в правой руке – большой крест. И где ещё я, по-твоему, мог его видеть?

– Дядя Коля!..

– Вот именно. Ладно, не реви, приехали уже. Отдыхай, здесь надежно, никто ничего не знает.

После того разговора Лена решила для себя, что дядя Коля, если и темнит где-то, зато не стремится её убить, как тот аквалангист в реке, или двое «поджигателей». Бр-р-р! Опять холодок по коже. Значит, дяде Коля надо верить. Стало легче жить, пусть кругом враги, но есть один друг. И голова почти перестала кружиться. Вот только вид в зеркале совсем не радует: на левой щеке пластырь, под глазами мешки, на ухе царапина. Но уже лучше, в первый день ухо было красное и раздутое, как вареник.

– Ага, ты уже у зеркала вертишься! Значит, на поправку пошла наша девушка.

Лена оглянулась, Николай пришел не один. Высокий симпатичный парень, с отличной фигурой одарил её приветливой улыбкой. Как ужасно перед таким красавчиком оказаться в больничной пижаме и с побитым лицом!

– Здравствуйте, Лена!

– Здравствуйте! Дядь Коль, кто это, зачем?

– Лена, не волнуйся, это сын моего лучшего друга, Сергей Викторович Баев. Он человек надежный, как был его отец. Я попросил его помочь тебя спрятать. Немедленно займитесь маскировкой. Смените прическу. Купите одежду модную, но не просто модную, а такую, какую ты сроду бы не надела. И другое имя подберите. Всё, я вас оставляю.

«Где я видела это лицо: открытый взгляд серых глаз, высокие скулы, прямой нос, зачесанные назад пышные темно-русые волосы?»

– Сергей Викторович...

– Да, будет, тебе! Зови меня по имени и на «ты».

– Ладно, Сергей, вы случайно плаванием не занимались?

– Да, было дело, в студентах. А что мы встречались?

– Вроде бы на каких-то соревнованиях, смутно припомнилось.

«Смутно», ничего себе соврала, не краснея! Да от этого Серёжи все девчонки в бассейне были без ума! Сложён, как античный бог, грива темно-русых волос, учился на юриста в престижном ВУЗе. Тогда пять лет разницы в возрасте казались огромным препятствием. Конечно, он и не глядел на школьниц-малолеток.

– Так как к тебе обращаться?

– Не знаю, сами... сам выбери.

– Тамара подойдет? Была такая царица Грузии. А у тебя волосы роскошные!

Все же Лена покраснела от комплимента, но отшутилась.

– Тамара. Царица. Очень приятно познакомиться.

Сергей привез стилиста-визажиста Галину. Это была полненькая женщина лет тридцати небольшим, энергичная и разговорчивая. При ней был объемистый чемодан. Они обсуждали Лену, как неодушевленный предмет. Из разговора выходило, что её надо спрятать на время бракоразводного

процесса от мужа, который распускает руки. А Сергей в этом деле – её адвокат.

– Нужна полная инверсия. Никакого театрального грима и париков, это же не на один день. Волосы длинные темные – делаем короткую стрижку и обесцвечивание.

Галина раскрыла чемоданчик, увеличенный вариант косметички, вынула папку, раскрыла и ткнула пальцем в образец:

– Тон «Средний блонд». Носила шишечку на затылке – будет супермодная асимметричная прическа, заодно травмы слева прикроет. Глаза карие – наденем голубые линзы, ресницы и брови сделаем на два тона светлее. Брови можно удалить и сделать татуаж.

– Нет, какой татуаж, у неё рана на виске не зажила!

– Бедняжка! Ну, хорошо. Брови подправлю пинцетом, сделаю узкие выгнутые по верхнему краю. Немножко придется потерпеть. Очки не носила? Обязательно надо подобрать тонированные, модные. Тени или в цвет глаз – голубые, или сиреневые, погуще, с уголком на висок и растушевой до бровей, я покажу сегодня. Маникюр и педикюр фиолетовый с желтым, два ногтя одного цвета, три – контрастного. Кстати, можно пригласить мастера сюда. Я дам визитку.

– Давай, но мы лучше съездим. Записываться надо?

– Конечно. Но от меня без очереди. Раз в месяц в салоне подновлять можно. А в промежутке, если поцарапается, чуть подмазывать, эмаль на ногти ровно ложится и держится

хорошо. Губы...

– Тоже фиолетовые с жёлтым? – Не выдержала Лена.

– Губы красные, от алого до темно-красного, хоть днем, хоть вечером. Мужчины, когда видят такие губы, вообще не замечают лица.

Сергей помог оборудовать место: снял зеркало со стены и поставил на тумбочку, придвинул кресло. Сам вышел в коридор, «на время экзекуции», как подумала про себя Лена. Галина надела фартук, на клиентку набросила пеньюар. Пока Лена вспоминала, сколько лет она не ходила в парикмахерскую, два года или все три, мастер большими ножницами обкорнала ей волосы до шеи. Стало непривычно легко голове и прохладно шее. Процедура заняла полтора часа. Галина разделила волосы пробором на 2 неровные части. Справа и на затылке сделала короткую стрижку, а слева через всю макушку оставила густую длинную гриву, скрывающую не только ухо, но и пол-лица. Галина работала в очень быстром темпе, пока отбеливались волосы, занималась бровями и ресницами, попутно инструктировала, как обращаться с линзами, как делать укладку волос. На тумбочку она выставляла одно за другим косметические средства: шампунь и кондиционер для окрашенных волос, пудру, голубые и сиреневые тени, карандаш-подводку фиолетового цвета, три тюбика губной помады, эмаль для ногтей двух цветов. «Да, ты же убежала, в чем была». Спрей-антиперсперант, туалетная вода, и маникюрный набор дополнили картину. Смывала краску над ван-

ной, приставив кресло спинкой к краю. «Давай, запрокинь голову хорошенько, шейку вытяни». Она даже умудрилась ни разу не капнуть на коросту на щеке, обклеенную бумажкой с вазелином.

На прощанье Галина дала Лене журнал известной торговой одежной фирмы «Мода лета»:

– Вот, подумай, как перемениться полностью. Но не только прической и одеждой. По тебе сразу видно, что ты боишься. А ты не бойся! Держись прямо, гляди дерзко, глаз не опускай. А встретишь своего обидчика, не убегай и не прячься, наоборот, ещё и глазками стрельни. Нипочем не узнает, наоборот, захочет приударить за юной красоткой. Да, голос тоже нужно изменить, старайся говорить меньше и не своим обычным, а низким голосом. Сережа, мы готовы!

Сергей только что не упал в дверях. Некоторое время издавал нечленораздельные звуки.

– Девушки, я сражен! – Он вынул из бумажника и вручил Галине несколько крупных купюр. – Как договорились или больше?

– Дело мастера боится! Ещё десятку за всё это, – Галина небрежно махнула рукой в сторону тумбочки. – Да, чуть не забыла, вот схватила по дороге легкий костюмчик, всего за полторашку.

Она кинула пакет на постель и захлопнула полупустой чемоданчик.

Сергей вышел проводить Галину.

В пакете Лена нашла синие трикотажные бриджи и тунику в поперечную красно-белую полоску. Переоделась, глянула в зеркало, проверить, как сидит – нормально, но при виде лица вздрогнула: «Ой, кто это? Ах, да, это же я, надо привыкать».

Сергей постучал в дверь.

– Можно? Ого, совсем готова, молодец! Отлично выглядишь. Собирайся, я забрал твою карту, сейчас уезжаем.

Лена сложила в объемистый пакет косметику, сверху – халат.

– Ой, я же в тапках! Они больничные.

– Ничего, за все заплачено, забирай. Обыкновенные шлепки, летом так ходят везде. Надевай мои очки и кепку и шуруй налево в запасный выход, там моя машина, синяя «Вольво». А я в главный выйду.

Лена опять ощутила холодок на спине. Неприятное ощущение прошло, только когда они отъехали на приличное расстояние. Лена занялась журналом, мысленно представляя себя в новом облике в самых ярких и непривычных нарядах. «Что за нелепая юбка с торчащими лоскутами! Сроду бы не надела. Ах, да, вот такую и надо купить, раз дядя Коля так считает».

Сергей не забыл про рекомендации Галины и записал Лену на маникюр и педикюр.

– Пожалуйста, обслужите по срочному тарифу, – потребовал он, войдя в салон.

«Интересно, как это выглядит?» – только и успела поду-

мать Лена, как к ней устремились сразу 4 мастерицы.

Лену усадили в полулежачее положение и в восемь рук обработали ей ногти на руках и ногах. Сорок минут, включая сушку эмали, – и они снова в машине.

– Теперь в «Монсеррат».

– Это что?

– Магазин. Супермаркет. Ты давно одежду не покупала?

Лена задумалась. А ведь давно, еще до смерти папы. А потом как-то не до того было. Кеды прошлым летом купила, когда старые порвались. Пауза затянулась, Сергей и так все понял.

– Ничего, зато сейчас подберем тебе 4-5 самых крутых нарядов под стать новой внешности. О цене не беспокойся.

Магазин женской одежды и обуви занимал этаж большого торгового центра. Звучала музыка, ряды вешалок и полок уходили вдаль и терялись из виду. У самой двери на них набросилась продавец-консультант, сияя радостной улыбкой: «Здравствуйте! Вам помочь?» «Татьяна» значилось на бейджике. Услышав ответное «да», она засияла ещё ярче: «А что бы вы хотели?» Сергей открыл было рот, но Лена решительно перебила его.

– Татьяна, для начала – джинсы и шорты. Джинсы, естественно, самые модные: прямые, укороченные, обязательно с высокой посадкой. Потом топ, блейзер и блузку с воланом, такую, чтобы спускаться на одно плечо. Сарафан-макси и

короткую юбку-оригами. А обувь – в другом отделе? А очки солнечные есть?

Татьяна смотрела с неподдельным уважением:

– Я буду вас сопровождать по всему магазину. И обувь, и аксессуары, – всё, что хотите, подберём. Пойдемте к джинсам. А мужчина может присесть здесь, на диванчике.

Сергей присел и сразу углубился в телефонные переговоры.

Очень пригодилась Лене обзорная статья из подаренного Галиной журнала «Леди Шарм лета 2018 года», которую она изучила за дорогу. Кое-что из супер-модного она заранее отвергла: широкие сверху и зауженные внизу брюки с цветочным принтом, а также босоножки-ботильоны на высоком каблуке-шпильке. Удобные цветные кеды, к счастью, из моды не вышли, только украсились искусственным мехом. Татьяна всё же навязала Лене сандалии-гладиаторы с ремешками почти до колен и классические черные туфли-лодочки, а балетки выгодному покупателю предложили в подарок. С цветом Лена доверилась Татьяне, процитировала статью: «для создания стильного облика этим летом достаточно иметь самые простые вещи, только применять их в разных сочетаниях». Татьяна не подвела: желтый, сиреневый, белый, красный.

Через 2 часа у Лены уже рябило в глазах и хотелось лечь, свернуться клубочком и заснуть. Она некоторое время ту-по смотрела на красотку в кружевном вечернем платье цвета

кофе с молоком. Пояс подчеркивал талию, а пышная юбка спускалась ниже колен, но чехол доходил до середины бедра, приоткрывая ноги сквозь кружевной подол, создавая то, что статье о моде называлось «стильный сексуальный лук». Надо полагать, от английского слова «look» – смотреть, видеть. Так она размышляла, пока не догадалась, что это она сама.

– Что это? Я не собираюсь брать такое! Только повседневный гардероб.

– Но оно вам так идет! И посмотрите, какая скидка – 25 процентов.

Цена, даже со скидкой почти довела Лену до обморока.

– Нет, я сказала, это унесите.

– Что за шум, о чем спор? – У примерочной кабинки стоял Сергей.

– Что вы, что вы, всё в порядке, только ваша дама отказалась от вечернего наряда и босоножек, – Татьяна, видимо, надеялась, что кавалер решит по-другому.

Сергей глянул мельком и взял замученную Лену под руку.

– Не нравится, не бери. Но хоть что-то тебе подошло, дорогая?

– Да, я выбрала, но если ты считаешь что-то лишним... – Лена засомневалась в платежеспособности Сергея.

Но Сергей горячо одобрил все покупки.

– Прекрасно, очень красиво, замечательно! И сумка – клевая, и очки – то, что надо. Не хочешь сразу переодеться?

– А можно? Мы еще не заплатили.

– Конечно, на кассе вас в любом случае рассчитают, – Татьяна сияла радостной улыбкой в пол-лица. Ещё бы, такая крупная покупка!

Лена выбрала желтые джинсы, к ним белую блузку с воланом, сиреневые кеды. «Меньше тащить придется». На кассе Сергей, не моргнув глазом, рассчитался наличными и сам донес все пакеты до машины. Они заняли заднее сиденье, но Лена умудрилась задремать и на переднем.

– Все в порядке, дядь Коля, едем домой. С Тамарой.

Только в пять вечера они добрались до дома. Лена, было, взялась за пакеты с одеждой, выходя из машины Сергея, но он остановил её: оставь пока. Дядя Коля уже ждал её, сам открыл дверь.

– Ой, кто это! – Нина, вышедшая из кухни, всплеснула руками. – Елена, вас и не узнать! С возвращением!

– Нина, – строго глянул на соседку дядя Коля, – ты же на советском номерном заводе работала, понимать должна, как язык держать за зубами. Никакая это не Елена, а Тамара.

– Как скажете, Николай Николаич! Обозналась я что-то. Тамара, давайте скорей за стол!

К удивлению Лены соседка Нина преобразилась совершенно: прическа, туфли, помада, платице приличное. Улыбается ласково, дядю Колю глазами ест. В кухне перестановка, стол Нины отодвинут от стенки, чтобы удобно сели четыре человека. Всё готово к праздничному обеду. Сверкает посуда, хлеб нарезан тоненько, салат горкой в хрусталь-

ной салатнице. Ох, как есть хочется! Из духовки появляется сковорода, от аромата тушеной курицы с картошкой слюнки текут. Лена так загляделась на стол, что даже не заметила, как пришел Сергей, отгонявший машину куда-то в соседний квартал. Судя по поведению Нины, дядя Коля уже считается своим в этой квартире, а Сергей заходил с утра перед больницей.

– Щас пообедаем, а потом чайку попьем с пирогами, свеженькими, утром испекла, – захлопотала Нина, придвигая табуреты и стулья.

Вид у неё был довольный, настроение отличное, он даже запела машинально без слов.

Лена прислушалась «Что-то знакомое, очень старое. «Жить без любви, быть может, просто, но как на свете без любви прожить». Ну, ничего себе! А впрочем, почему бы и нет? Ей лет сколько? По первому впечатлению казалось – хорошо за пятьдесят, а сегодня – чуть за сорок. На заводе успела поработать в Советском Союзе? Значит, примерно сорок пять. Как говорится, «ягодка опять». А дяде Коле пятьдесят, только выглядит старше. И вообще, не моё это дело. У меня свои проблемы».

Лена кивнула дяде Коле, вышли в коридор.

– Дядя Коля, я не представляю, сколько потратил Сергей. Как я буду рассчитываться?

– Не волнуйся, я всё ему отдам, есть деньги. Главное, что ты стала неузнаваемая... Тамара. А красавица какая!

– Откуда вы узнали, что я – Тамара?

– Сергей же звонил, сказал, что придет с Тамарой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.